

Духовное наследие святителя Игнатия Брянчанинова

Конференция «Духовное наследие святителя Игнатия Брянчанинова»
Москва, 14 мая 2009 г.

Ваши Преосвященства!

Дорогие отцы, братья и сестры!

Говорить о таком человеке, как святитель Игнатий, не просто. Но если пытаться, то можно лишь с самым благодарным чувством за ту духовную пользу, которую он принес Церкви, принес всем тем, кто искренне желает стать действительным христианином. Есть ли основания для таких слов? Да, о нем произнесены столь возвышенные слова известных подвижников и святых нашей Церкви, которых не найдем ни о каком другом духовном писателе 19-го века. И их слова являются лучшим свидетельством в оценке этой выдающейся личности. Это особенно важно подчеркнуть перед лицом попыток как-то умалить ее значимость.

Прежде всего, что говорят о нем оптинские старцы, с которыми он общался, фактически, в течение всей своей жизни?

Преподобный **Макарий** Оптинский (+1860) сравнивает святителя Игнатия с великим подвижником древней Церкви Арсением Великим. *«Был Великий Арсений, и у нас в России был бы свой Великий Арсений, если бы он пошел другой дорогой. Это — Игнатий (Брянчанинов). Это был великий ум»*¹. Редкая оценка из уст Преподобного!

Иногда слова *«если бы он пошел другой дорогой»* объясняют, будто прп. Макарий считал, что молодой монах изменил избранному пути жизни, своему старцу Льву и *пошел* другой дорогой. Однако это не только противоречит высокой его оценке личности свт. Игнатия, но и совершенно не соответствует действительности. В данном случае эти слова совсем не связаны с именем старца Льва, а речь идет о назначении игумена Игнатия настоятелем в Сергиеву пустынь близ Петербурга. Прп. Макарий был осведомлен и вполне понимал, что это назначение произошло совсем не по его воле, но по промыслу Божию, по приказу императора, когда он совершенно неожиданно вместо желаемого им уединения, затвора, жизни

¹ Преподобный Никон Оптинский (Беляев). Дневники 1907–1910. Запись 4 мая 1908 г.

созерцательной² (на котором *был бы Великим Арсением*) был снят с этого пути и поставлен на *другую дорогу* - руководства столичным монастырем.

Стоит отметить, что это стремительное административное возвышение свт. Игнатия на первом этапе его церковно-административной жизни было обусловлено как его аристократическим происхождением, так, конечно, и его незаурядными талантами. В июне 1831 года он принимает постриг, в конце этого года его возводят в звание строителя, в 1833 году он уже игумен, а в следующем, в 27-летнем возрасте, его назначают настоятелем Сергиевой пустыни с возведением в сан архимандрита.

О том, насколько его влекла *другая дорога*, упоминаемая прп. Макарием, с полной очевидностью открывается из откровенных признаний самого свт. Игнатия.

О своем настоятельстве в столичной Сергиевой обители он писал: *«Ни к чему в ней не прилепилось сердце, ничего мне в ней не нравится. Я занимаюсь устройством ее как обязанностью, принуждаю себя любить Сергиеву пустынь. Обитель эта совершенно не соответствует потребностям монашеской жизни. Одного прошу, чтоб развязали меня с Сергиевой пустыней. Всякое решение Святейшего Синода приму с благодарностью»*. В другом письме он открывает свою душу: *«Я всегда желал глубокого уединения... С тою целью оставил я мир, с этой постоянною целью совершаю двадцатый год в монастыре»*.

Не по душе был ему этот шумный, людный монастырь. Не этой *дороги* он желал, но поставленный на нее, с терпением шел ею половину своей сознательной жизни. Поэтому, прекрасно знавший об этом прп. Макарий, когда писал о *другой дороге* свт. Игнатия, то говорил не о его уходе с избранного пути, а о промысле Божиим, видевшим, какой путь наиболее полезен и ему, и Церкви. И действительно Россия получила великого духовного наставника всех искренно ищущих евангельской жемчужины (Мф. 13: 45-46).

Сохранилось и другое необычное и глубоко проникновенное воспоминание о свт. Игнатии преподобного **Варсонофия** Оптинского (+1913): *«Когда я читаю его сочинения, - говорил он, - я удивляюсь прямо ангельскому уму, его дивно глубокому разумению Священного Писания. Я как-то особенно располагаюсь к его сочинениям, они как-то особенно располагают к себе мое сердце, мое разумение, просвещая его истинно евангельским светом»*³. *«Сочинения преосвященного Игнатия (Брянчанинова) необходимы, они, так сказать, азбука духовной жизни»*⁴.

А говоря со своим учеником Никоном о кончине свт. Игнатия, старец Варсонофий открывает ему нечто удивительное:

«— Вы не знаете, что было, когда хоронили еп. Игнатия?»

² В письме к архиепископу Илиодору он писал: *«Я всегда желал глубокого уединения... С тою целью оставил я мир, с этой постоянною целью совершаю двадцатый год в монастыре»*.

³ Преп. Никон Оптинский (Беляев). Дневники 1907–1910. Запись от 9 ноября 1908 г.

⁴ Там же. Запись от 2 августа 1909 г.

– Нет, Батюшка.

– Ангелы доринесли его душу и пели: "Архиерею Божий, святителю отче Игнатие". Вот была ангельская песнь...»⁵. Такое редко можно встретить.

Этот ближайший ученик прп. Варсонофия прп. **Никон** (Беляев) Оптинский (+1931) не расставался с книгой свт. Игнатия «Приношение современному монашеству» даже во время своего пребывания в тюрьме. Туда ему тайно передали ее по его просьбе. *«На полях этой книги, на оставшихся незаполненными страницах и на небольших, аккуратно вклеенных листочках бумаги имеются карандашные записи, сделанные рукой старца Никона»*⁶. Об этой книге Святителя он писал: *«Пятый том сочинений епископа Игнатия заключает в себе учение святых отцов применительно к современному монашеству и научает, как должно читать писания святых отцов. Очень глубоко смотрел епископ Игнатий и даже, пожалуй, глубже в этом отношении епископа Феофана. Слово его властно действует на душу, ибо исходит из опыта»*⁷.

Одних этих свидетельств достаточно, чтобы видеть память какого святого мы сегодня чествуем, и понять, насколько легковесными и несерьезными выглядят попытки умалить его авторитет.

А как оценивали свт. Игнатия последующие известные подвижники нашей Церкви?

Игумения **Арсения** (Себрякова, +1903) о пятом томе сочинений святителя Игнатия писала: *«Я читаю этот том, и как изречения святых Отцов, так и взгляд на святое лицо Владыки действует на меня необыкновенно хорошо»*. *«Читала с большим удовольствием, с душевным утешением и назиданием. Дороги слова самого Владыки»*⁸.

Схиигумен **Иоанн Валаамский** (Алексеев, +1958) в одном из писем делится своим воспоминанием: *«Епископа Игнатия я читал еще новоначальным послушником, но все его слова помню и теперь: проходящим молитвенный подвиг просто житья нет от буквеедов. Ах, как справедливо сказал мудрый епископ, и это у него вытекало из своего духовного опыта»*⁹.

Игумен **Никон** (Воробьев, +1963), который в долгих и безуспешных поисках духовного руководителя нашел, наконец, такового в творениях святителя Игнатия, с глубоким чувством писал: *«Как я благодарен ему за его писания! Не понять и не оценить его — значит, ничего не понимать в духовной жизни. Смеею сказать, что сочинения епископа Феофана (да*

⁵ Там же. Запись от 4 мая, 1908.

⁶ Даниловский благовестник. 1995. № 7. С. 53.

⁷ Преп. Никон Оптинский (Беляев). Дневники 1907–1910. СПб., 1994. С. 165–166.

⁸ Путь немечтательного делания. М. 1999. С. 254, 360.

⁹ Игумен Иоанн (Алексеев). Загляни в свое сердце. СПб., 2002. С. 200.

простит мне св. владыка) — работы школьника по сравнению с трудами профессора — творениями епископа Игнатия (Брянчанинова). Вот что самое дорогое хотел бы я Вам пожелать, если бы Вы спросили меня — постоянно вникайте в Игнатия Брянчанинова и идите указанным им путем. Это — путь всех древних Отцов, путь, пройденный и самим Игнатием... Это-то и делает его писания особенно ценными» (Письмо от 18/02-1945).

«Все его писания взяты из Отцов и приспособлены для нас. Он пишет о самом нужном — о покаянии, которое есть единственная дверь ко всему доброму» (Письмо от 15/XI-50).

«Лучшего учителя для нашего времени нет» (Письмо от 1956 г.).

А надписывая сочинения Святителя одному близкому человеку, игумен Никон завещал: **«Для нашего времени нет лучшего путеводителя в таинственную Землю Обетованную, как творения епископа Игнатия Брянчанинова. Его святыми молитвами да подаст тебе Господь войти в нее и обитать на ней. Храни эти книги до вхождения как необходимое и незаменимое руководство на пути, а если войдешь — как напоминание о долге благодарности своему великому учителю епископу Игнатию».**

Псковский старец архимандрит **Иоанн (Крестьянкин, +2006)** с особенно горячим воодушевлением призывал назидаться творениями Святителя: **«Читайте святителя Игнатия, внимайте прочитанному, и козни вражи не посмеют коснуться вас, следующих его советам».** **«Слушайте внимательно. Святитель Игнатий (Брянчанинов) отвечает нам».** **«Вот последнее [его] слово нам, живущим в столь трудные времена»**¹⁰.

Все эти свидетельства прославленных святых и широко почитаемых подвижников нашей Церкви достаточно показывают, кем для них явился свт. Игнатий и кем, следовательно, он должен быть теперь для каждого православного человека. В настоящее время, когда издается огромное количество благочестиво-пустой и лжедуховной литературы творения Святителя для ищущих духовной жизни приобретают особую ценность. Они не только являются верным указателем правильной христианской жизни, но и ограждением от всевозможных ошибок и заблуждений на этом пути.

В связи с этим необходимо обратить внимание на иногда звучащие критические замечания в адрес свт. Игнатия.

Таково, например, обвинение его в том, что он сменил восемь монастырей, чем, по-видимому, показал неуживчивость своего характера, отсутствие смирения и послушания.

Однако какова была реальная картина?

Прежде всего, в этой критике умалчивается, что в то время Игнатий был еще вполне светским молодым офицером Дмитрием Александровичем, а не

¹⁰ «Духовная аптека» старца Иоанна (Крестьянкина). М., 2010. С. 55, 56, 57.

монахом и даже не послушником какого-либо монастыря. Но, найдя себе в лице иеромонаха Леонида (в схиме Льва) духовного руководителя, он вопреки воле даже Императора Николая I и своих родителей последовал за ним.

Однако судьба старца Льва оказалась нелегкой. И в то время святая жизнь устраивала далеко не всех монашествующих, и ему пришлось сменить несколько монастырей (за что, кстати, его никто не упрекает). И Дмитрий со своим другом Михаилом Чихачевым, следуя за ним, также прошли через них: **Свирский** монастырь, **Площанскую** пустынь (из которой, кстати, им также, как и их старцу, было велено уходить «куда угодно»), **Оптину** пустынь.

По пути в Оптину они посетили сначала **Свенский** монастырь, потом **Белобережскую** пустынь, но их нигде не приютили. Прибыв к отцу Леониду в скит Оптиной пустыни, они скоро так тяжело заболели, что их беспомощных забрали родители Брянчанинова.

По выздоровлении они ушли в **Новоезерский** монастырь, но и здесь лихорадка сломила их. Вновь Дмитрия, совершенно беспомощного, отец вывез домой. Однако Дмитрий остался непоколебимым в избранном пути и, оправившись от болезни, ушел в **Семигородную** пустынь. Только здесь впервые он попросился в более уединенный **Глушицкий** Дионисиев монастырь (8-й), где его впервые и зачислили послушником.

Такова истинная история этой так называемой *перемены* монастырей молодым человеком. В ней трудно увидеть так называемое беганье по монастырям, предосудительное для монаха и даже послушника, зачисленного в монастырь. Ибо всё это время Дмитрий оставался или на положении послушника старца Льва, или, как теперь принято называть, добровольного трудника.

Но став монахом Игнатием, он, как видим, уже безоговорочно подчинился приказу Императора и священноначалия Церкви и стал настоятелем монастыря, который совершенно не устраивал его духовных исканий.

Должно сказать еще об одном эпизоде, который также ставится в вину молодому человеку, когда иеромонах Леонид (Лев), бывший духовным наставником Дмитрия на первом этапе новой жизни, освободил его и Михаила Чихачева от послушания ему и обращения к нему по всем вопросам внутренней жизни, как это требовалось в отношениях между старцем и учеником. Произошло это следующим образом.

В Площанской пустыне Дмитрию было видение креста. Исходивший от него голос объяснил смысл таинственной на нем надписи: «*искреннее отречение от мира и всего земного*». Видение было не только поразительно ясным, но и сопровождалось чудесным исцелением Дмитрия от болезни. Старец Леонид не усомнился в истинности данного видения. «*Когда о чудесном видении узнал отец Леонид, он разрешил друзьям жить вдвоем, отдельно от других, и не быть больше под его старчеством, а состоять под*

ведением общего монастырского духовника»¹¹. Так что расставание с отцом Леонидом произошло не по какому-то самочинию Дмитрия, но по благословению самого старца. Это был шаг послушания.

Мудрый подвижник понял, что его старческая деятельность, наполненная многолюдством и вытекающими отсюда соблазнами общения с женским полом и постоянной суетой, становится очевидным препятствием на пути духовной жизни глубоко устремленного и не по годам рассудительного молодого послушника, ищущего умного делания и уединения.

Данный эпизод явился ярким свидетельством святости и опытности старца, прозорливо увидевшего высокий уровень духовного развития Дмитрия и с миром благословившего его с другом на уединенную подвижническую жизнь. Подтверждением именно такого характера происшедшего события является и тот факт, что данное расставание ни к какому охлаждению отношений между ними не привело, но сохранило их в полной мере. Так, в 1840 году, когда на прп. Льва усилились гонения, и он обратился за помощью к архимандриту Игнатию, то благодаря его заступничеству старца оставили в покое. Прп. Лев писал своему бывшему ученику: *«Я не в силах принести Вам моей благодарности за Вашу любовь и усердие к моему убожеству»*.

Необходимо отметить и то, что ни один из оптинских старцев никогда не выражал недоумения по поводу происшедшего между старцем Львом и его учеником, как, кстати, и в связи с тем, что Игнатий в дальнейшем не встретил соответствующего для себя духовного руководителя. Такое в истории случалось не редко. Также очень многие из прославленных святых не смогли найти себе наставника. Напротив, как видим из отзывов оптинских святых отцов, они с благоговением и восхищением отзывались о Святителе и его *«Аскетических опытах»*.

Единственно прозвучавшая критика в адрес свт. Игнатия была со стороны свт. Феофана (Говорова), не имевшая никакого отношения ни к его жизни, ни к его аскетическим творениям. Это было несогласие с мыслью свт. Игнатия о тонкой вещественности, или эфирности души и ангелов.

По поводу этого вопроса можно заметить. Непререкаемой истиной христианского вероучения является догмат о том, что ничто тварное не единосущно Богу. И поскольку Бог есть Дух, следовательно, никакое творение, ни ангелы, ни душа человека, не может по существу, не впадая в пантеизм, быть названо духом.

Эта *недуховность* называется материальностью, или на языке 19-го века *телесностью, вещественностью, эфирностью*. Вещественность же, конечно, может быть сколь угодно тонкой: от грубого камня до невидимых, неосязаемых и еще непознанных человеком форм энергии. Поэтому свт. Игнатий называл душу и ангела эфирными, а свт. Феофан, используя библейскую терминологию – духовными. Но этот вопрос не корректно

¹¹ Леонид Соколов. Епископ Игнатий Брянчанинов. Ч.1 Киев. 1915, с. 83.

обсуждать до тех пор, пока не будет полной договоренности о значении самих понятий «дух» и «материя».

В отношении же аскетической стороны творений свт. Игнатия свт. Феофан прямо писал: *"Читать ли писания Преосв. Игнатия? – Читайте... Только статью о смерти не читайте, и то не всю, а только несколько листов, кажется, в начале, где он говорит, что душа и ангел телесны... Вся статья очень назидательна..."*.

Почему сегодня, спустя 150 лет после блаженной кончины святителя Игнатия, Церковь с таким вниманием вспоминает этого духовного наставника? Что столь ценное оставил он своим потомкам, за которое они с великой благодарностью чтут его память? Почему все те, кто действительно озабочены своим бедственным духовным состоянием и горячо и искренне ищут правильного пути к совершенной жизни, всегда обращаются именно к этому русскому святителю, к его творениям?

Ответ на эти вопросы очевиден. Еще никто из отечественных духовных наставников последних двух столетий не имел таких исключительно высоких оценок от прославленных святых Русской Церкви и ее подвижников, как свт. Игнатий и его аскетические творения. Таков его бесспорный авторитет в вопросах духовной жизни.

Необходимо отметить еще один важный момент. В настоящее время, когда всё сильнее сказывается влияние протестантского убеждения, которое практически любой личный духовный опыт рассматривает как действие Святого Духа и, следовательно, как правильный и спасительный, особую остроту приобретает вопрос о критериях истинности в духовной жизни. И здесь имя свт. Игнатия становится особенно значимым, ибо он на основе святоотеческих творений показал, что духовная жизнь это не хаос мистических состояний, что она имеет свои непреложные законы, отступление от которых приводит человека не к Богу, не к действию Его благодати, а к переживанию своих нервно-психических состояний и, нередко, демонических наваждений. Святые Отцы называли веру своему личному опыту, не основанному на опыте святоотеческого Предания Церкви, не проверенному этим единственно верным критерием, одним ёмким словом - *прелесть*.

Православие, по учению свт. Игнатия, тем принципиально и отличается от других конфессий, что для него критерием истинного богопознания является не свое личное переживание и не мнение какого-либо единичного авторитета: священнослужителя, богослова, даже святого Отца, - но то и только то, что соответствует открытым и проверенным совокупным опытом Отцов законам духовной жизни.

В этом отношении творения свт. Игнатия представляют большую ценность, поскольку в них выражен не просто плод его личного опыта, но святых отцов Церкви, их опыта богопознания, на основе которого он дал объективную и точную оценку опыта и учения католических аскетов и протестантских мистиков.

Аскетические творения святителя Игнатия являются своего рода святоотеческой энциклопедией духовной жизни православного христианина. Они дают тщательно выверенное и ясное изложение всех важнейших сторон духовной жизни, в том числе и опасностей на ее пути, как это раскрыто в святоотеческом наследии Церкви.

Значимость творений Святителя особенно возросла теперь в связи с оскудением духовных руководителей. Ибо его творения преподают духовный опыт Церкви применительно к психологии, душевным силам и духовному уровню человека его эпохи и нашего времени, монаха и мирянина, погруженных в водоворот стихий этого мира, в атмосферу глубокой омирщенности сознания, поразившей современное христианство.

Непреходящая значимость его аскетических сочинений открывается в детальном раскрытии в них главнейшего делания христианина – молитвы, которая фактически оказалась в большой степени подмененной совершением лишь её внешней формы. Он обращается к верующим со странным, на первый взгляд, призывом: нужно учиться молитве! Но этот призыв исходит из знания реального состояния христиан. За два года до своей кончины он писал: *“В настоящее время — существенная нужда в правильной молитве, а ее-то и не знают! Не знают, что она должна быть орудием и выражением покаяния, [а] ищут наслаждения и восторгов, льстят себе, и орудием, данным во спасение, убивают свои души. Существенно нужно правильное понимание молитвы в наше время! Она — существенный, единственный руководитель в наше время ко спасению. Наставников нет!”* (Письмо от 29/1-1865). Поэтому *«научись молиться Богу правильно. Научившись молиться правильно, молись постоянно — и удобно наследуешь спасение»* (Письмо от 29/1-1865).

Невозможно передать всё то богатство существенно нужных христианину знаний о духовной жизни, которые оставил мудрый Святитель в своих творениях.

Но взыскующий найдет!